

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ПАТЕРНАЛИЗМ

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта № 12-03-00063, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

Социальная мобильность, характерная для общества, находящегося в стадии формационных преобразований, при которых, в частности, происходит критериальная смена социальной структуры общества, неизбежно сопровождается размыванием сложившейся решетки социальных отношений, что связано с исчезновением (преобразованием) тех или иных групп и слоев, с изменением роли тех из них, которые сохраняются и в новой социальной структуре, с изменением (деформацией) норм, стандартов, ценностей, типов поведения.

Таким образом, процессы социальной мобильности выступают системообразующим атрибутом формирования новой социальной реальности, приводя к социальным изменениям во всей структуре общества, как в его статике (положению тех или иных социальных страт в социальной структуре общества), так и в его динамике (степени самоидентификации этих страт с ново возникающими элементами социальной структуры, проявляющиеся в изменении их социальных установок, ценностей, в их социальном поведении и в конечном счете уровне, качестве и образе их жизни). Следовательно, социальная мобильность и особенно ее направленность определяет все стороны жизнедеятельности социальных субъектов в новоформирующейся социальной реальности.

Любой тип (вариант) социальной мобильности так или иначе связан со сменой (полной или частичной) экономического, культурного, социального статуса личности (группы). Весь вопрос лишь в том, каково содержание этой мобильности и этих социальных изменений, и какова ее направленность. Идет ли речь о восходящей социальной мобильности и о формировании страт общества, интегрировавшихся в новую социальную реальность, или мы имеем дело с понижающим ее вектором и имманентно присущими ему процессами маргинализации, которая приобретает самостоятельное, самостоятельное значение и которая в значительной степени влияет на процессы социальной мобильности, причем не только нисходящей, но и восходящей, отражая специфику социального развития российского общества.

Вместе с тем, именно группы нисходящей социальной мобильности, ранее жестко интегрированные в структуры эгалитаристско-патерналистского социума советского типа, а ныне находящиеся на периферии социального развития в наибольшей степени подвержены маргинализационным процессам¹ и составляют социальную базу консервации патерналистских настроений в современном российском обществе. Впрочем, это не означает, что исследуемый нами патерналистский синдром не оказывает своего воздействия на процессы восходящей социальной мобильности. Различия лишь в степени влияния данного синдрома на этот тип мобильности: в группах нисходящей социальной мобильности.

Поэтому, изучая процессы социальной мобильности, можно определить содержание и проявления *патерналистского синдрома* в группах различных векторов ее направленности. Если группы восходящей социальной мобильности представляют собой страты меньшей подверженности патерналистским интенциям, то группы нисходящей мобильности, наоборот, в максимальной степени соответствуют тем параметрам, которые отличают патерналистское восприятие и соответствующее социальное поведение тех или иных групп общества. Поэтому продуктивным представляется подход «*ordine inverso*» (от обратного)², при котором базовые характеристики патерналистского синдрома, описанные нами в предыдущих публикациях «накладываются» на особенности, отличающие социальные установки и поведение групп нисходящей социальной мобильности.

Исследования, проведенные в последние годы лабораторией социологии Пермского национального исследовательского университета под руководством и при инициативном участии авторов, позволяют это сделать. Рассмотрим эти особенности.

¹ См.: Парк Р. Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. 1998. № 2. С. 172; Стоунквист Э. В. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. Вып. 1. С. 13.

² Разинский Г. В. Патернализм: структурные характеристики // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: матер. XI Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения З. И. Файнбурга (Пермь, ПНИПУ, 21–22 ноября 2012). Пермь, 2012. С. 82–84; Разинский Г. В. Патернализм как синдром // Социология в системе научного управления. [Электронный ресурс]. Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М. : ИС РАН, ИПИ РАН, РГСУ. М.: ИС РАН, 2012. 1 CD ROM. С. 539–540.

Так, факторами, формирующими отрицательную (нисходящую) социальную мобильность являются: низкий материальный статус, подверженность тех или иных социальных групп нисходящего вектора мобильности традиционным нормам и ценностям и неприятие (или принятие в ограниченных масштабах) ценностных ориентаций рыночного типа, затрудненный процесс интеграции в новую социальную структуру рыночного общества, низкий уровень социальной мобильности в различных сферах жизни, распространенность патерналистских отношений и настроений социального иждивенчества, неприятие социальной дифференциации и приверженность эгалитаристским отношениям, низкая социальная, профессиональная, культурная мобильность. Это проявилось:

- в социальных характеристиках групп нисходящей социальной мобильности (большой процент женщин и лиц старших возрастов, несколько меньший удельный вес лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, доминирование выходцев из крестьян и рабочих, несколько более высоким стажем трудовой деятельности);
- в их социально-профессиональном статусе; крайне незначительный процент в этой среде процент предпринимателей при высокой доле рабочих, пенсионеров, «бюджетников» и других специалистов различного отраслевого профиля – правда, последние две группы достаточно широко представлены и в векторе восходящей мобильности, что, впрочем, скорее подтверждает незавершенность процесса социально-стратификационной консолидации и дифференциации, с одной стороны, тогда как с другой – является социальной базой распространности маргинальных процессов и настроений патернализма в российском обществе;
- в меньшей свободе в самоопределении своих ценностных и поведенческих позиций и в более высокой степени социальной автономии от стандартов и ценностей социального поведения, характерных для новой структуры социальных отношений: чем более автономны в этом смысле те или иные группы, тем в меньшей степени они ощущают общую удовлетворенность той или иной стороной своей жизни;
- в определяющем, доминирующем значении материального фактора, формирующего отрицательную, нисходящую направленность социальной мобильности (почти 80 % респондентов, оказавшихся в данном типе мобильности, отнесли себя к малооплачиваемым, что в

4 раза меньше, чем в типе восходящей мобильности);

- в слабо выраженной ориентации на содержательную сторону труда при доминанте инструментальных и воспроизводственных предпочтений, низкая готовность к повышению своего социально профессионального статуса, неуверенность в своей устойчивости на рынке труда и занятости, что является более четко выраженным проявлением социальной маргинальности, в целом характерной для всего российского социума;
- в распространенности настроений безразличия, а то и неприятия того города, в котором они живут и это при более высокой тяге к оседлости и практическая неосведомленность и неучастие в городской жизни (что в целом отличает городской социум, независимо от вектора социальной мобильности);
- в доминировании в культурно-досуговой деятельности групп нисходящего вектора мобильности воспроизводственно-потребительских тенденций, а в сфере семейных отношений – консервативных и традиционных ценностей и стандартов поведения при высокой распространенности настроений социального изживенчества;
- в большей приверженности групп отрицательного вектора мобильности к консервативным моделям социального устройства, причем не только ретро советского образца, но и откровенно национал-автаркичного типа и отрицании моделей рыночного типа, что в сочетании с приверженностью с патерналистским отношением к управленческим структурам при одновременно невысоким уровнем доверия к основным социальным институтам, исключая армию и тем более к местным управленческим структурам и фактическим отчуждением от них, формирует негативный фон, который чреват ростом протестных настроений;
- в большей подверженности групп нисходящей социальной мобильности в оценках своего социального самочувствия настроениям беспокойства, тревоги, безысходности.

Таким образом, сложившаяся система базовых социальных установок и ценностных ориентаций (доминирование патерналистских настроений, преобладание вынужденной адаптации к рыночным отношениям, размежевание позиций относительно возможности социальной дифференциации, слабая включенность и малая заинтересованность горожан в активном освоении городского пространства и

связанная с этим отчужденность как от города, так и от структур власти), наиболее четко проявившаяся в группах нисходящего вектора социальной мобильности, выступает, с одной стороны, стабилизирующим фактором, удерживающим от активных, тем более протестных действий (и именно поэтому большинство опрошенных настроены выжидательно), тогда как с другой – консервирует сложившуюся ситуацию, способствует стагнации социального развития городской общности.

Таким образом, можно констатировать фактическое совпадение отличительных особенностей, характеризующих группы отрицательной социальной мобильности и проявления патерналистских тенденций, что является еще одним подтверждением всеобщности феномена патернализма.

З. Х.-М. Саралиева

ДВОЕ НА КАЧЕЛЯХ: СЕМЬЯ VS. СОЦИУМ

Больше десяти лет назад (в 2001 г.) в интервью нашей университетской многотиражке мы попытались рассказать о том, что происходит с семьей в начале XXI в. Сегодня есть, что добавить, но, к сожалению, не в мажорном ключе. И дело не в том, что семья стала жить хуже или катастрофически обострилась внутрисемейная ситуация. Наши требования повысились. Приходит осознание непропорциональности, несинхронности общесоциальных трансформаций и изменений в семье.

Что происходит в «Семейном королевстве»?

Будем исходить из двух точек зрения в современной социологии семьи.

Первая позиция строится на том, что семья – это, прежде всего, социальный институт, предназначенный для решения проблем народонаселения, деторождения, а попутно – проблем экономических, геополитических (кто будет заселять Сибирь, Дальний Восток и проч.). Меры для их решения предлагаются довольно жесткие, государственные. В вольном переводе их суть можно свести к императиву: россиянам пора перестать ограничиваться 1,3 ребенка на семью и вспомнить, для чего они вступили в брак. Позиция вполне опреде-